

Ренат Беккин: «Нужно менять сознание людей, а не законы»

Алексей ЕЛОПОВ

Восточный
разряд

События последних месяцев – «арабская весна-2011», интервенция коалиции союзников в Ливии, убийство (реальное или мнимое) Бин Ладена, предложение Барака Обамы о геополитическом реформировании Ближнего Востока и т.д. – говорят о том, что ситуация в исламском мире развивается по сценарию, который все труднее предугадать. Происходящее там и послужило поводом для нашего разговора с доктором экономических наук, профессором, заведующим кафедрой исламоведения и регионоведения Казанского федерального университета Ренатом Беккиным.

Но – лишь поводом...

УМНИКИ «ЛИХИХ» И «НУЛЕВЫХ»

– Ренат, вы специалист по исламскому праву и исламской экономике. Интерес к исламу как-то связан с воспитанием, которое вы получили от родителей?

– Скорее нет, чем да. Я родился в Ленинграде, вырос в обычной советской семье, был октябренок, затем пионером. Воспринять

религиозную традицию мне было просто не от кого. Моя бабушка умела писать по-арабски, но она умерла, когда мне было четыре года. Я тогда и по-русски писать не умел. Прабабушка, научившая бабушку арабской грамоте, погибла в блокаду. Интерес к исламу пробудился у меня только во время учебы в МГИМО.

– Об обстоятельствах того, как это произошло, мы еще поговорим, а

пока ответьте, пожалуйста, на такой вопрос. В десять лет вы начали заниматься в литературном клубе «Дерзание» при Ленинградском дворце пионеров и школьников. С чем вы туда пришли?

– В первом классе я начал методично набивать на печатной машинке короткие рассказы-басни собственного сочинения. Главными действующими лицами в этих баснях были животные, с которыми происходили разные, подчас трагические истории. Родители посчитали, что любовь сына к сочинительству надо всячески поощрять и записали меня в клуб «Дерзание» – одно из старейших ЛИТО, у истоков которого когда-то стояли Самуил Яковлевич Маршак и Корней Иванович Чуковский. Год я занимался в кружке книголюбов при «Дерзании», а потом уже непосредственно в литературном клубе, в секции журналистики. Помимо «акул пера» к нам на занятия приходили писатели, например, Борис Натанович Стругацкий, другие писатели и поэты, – они проводили импровизированные мастер-классы.

– В МГИМО вы поступили благодаря передаче «Умники и умницы». Не было ощущения, что попали в вуз для «своих», куда обычных ребят принимают неохотно и, так сказать, для имиджа?

– Я поступил в МГИМО в 1995-м. С тех пор многое переменялось. После распада СССР иерархические структуры были разрушены, и значительная часть студентов поступала благодаря своим способностям, а не по партийной линии или по блату. Мне посчастливилось застать то яркое, золотое поколение, которое поступило в институт в первую половину 1990-х. Сейчас местная публика разительно отличается от той, что была в мое время. Изменился даже социальный состав участников передачи «Умники и умницы». Когда я принимал участие в «Умниках», на вопрос ведущего «Кто ваши родители?» ребята как правило отвечали: учителя, служащие, в лучшем случае директора школ. Был, правда, среди моих конкурентов отпрыск кооператора, но в основном «умники» и «умницы» 90-х – это дети «гнилой интеллигенции». Теперь среди участников передачи немало детей бизнесменов, чиновников. Я понимаю, что это – результат неотвратимых процессов, происходящих в

нашем обществе, тут ничего не поделаешь. Уровень подготовки сегодня во многом зависит от того, в какой школе учится ребенок, есть ли у него доступ к интернет-ресурсам, специальной литературе, журналам, то есть в конечном счете от финансовых возможностей родителей. Случай Ломоносова, который с обозом мороженой рыбы дошел до столицы и был принят в число воспитанников Славяно-греко-латинской академии, в наши дни почти невозможен.

ИСЛАМСКИЙ ПРОРЫВ ДЛЯ ИЗРАИЛЬСКОГО ЧИТАТЕЛЯ

– Как вы пришли к изучению исламского права?

– На передаче спросили, на какой факультет я хочу поступить. Я отвечал, что на международные отношения, но в силу какой-то ошибки меня после победы на «Умниках» зачислили на международно-правовой факультет. Я отдался судьбе и не стал переигрывать. В МГИМО, как известно, обучают не только конкретной специальности, но и дают иностранные языки в качестве необходимого инструмента. Я выбрал в качестве первого иностранного арабский. Поскольку мне непременно хотелось в своей будущей профессии совместить знание языка и специальность, я начал интересоваться правом арабских стран и конкретно мусульманским правом. Это произошло не сразу, но на четвертом курсе я уже вовсю погрузился в данную проблематику. Помню, насколько меня тогда поразила логичность и фундаментальность положений шариата. Ну а через интерес к праву я в кризисном 1998 году вышел на изучение исламской экономики. В интернете попала статья о допустимости страхования с точки зрения шариата, и возникло желание посвятить данной проблеме свой выпускной диплом.

– У многих людей сложились негативные стереотипы в отношении исламского права. Вроде того, что это пережиток феодальных времен, из чего вытекает его крайняя жестокость – отрубание кисти руки за воровство и все такое...

– К счастью, подобные стереотипы сегодня уже нельзя назвать массовыми. Тем не менее, даже работая в области исламских финансов, сталкиваешься с мнением о том, что шариат противоречит российскому законодательству.

Уровень подготовки сегодня зависит в конечном счете от финансовых возможностей родителей.

На самом деле это далеко не так. Не случайно задача номер один для специалистов по мусульманскому праву заключается в борьбе с этими мифами. В свое время желание рассказать русскоязычному читателю правду о шариате подвигло меня на написание романа «Ислам от монаха Багиры». Сначала его предполагалось издать в «Ультра-Культуре» – издательстве, основанном текствиком «Наутилуса» Ильей Кормильцевым. Но Илья умер, вместе с ним перестала существовать «Ультра-Культура», и роман вышел в издательстве «Кислород» – молодежном и кислотном.

– Вот мы и затронули «литературную» часть вашей биографии. В 2005 году вы выступили одним из организаторов премии «Исламский прорыв». Расскажите, что это за премия и почему она просуществовала только два сезона?

– Идея премии принадлежала моему теперь уже коллеге, директору издательского дома «Умма» Асламбеку Эжаеву. Я в то время больше думал о мусульманском литературном журнале. После беседы с Асламбеком мы решили делать премию, а произведения победителей опубликовать в специальном сборнике. Мы довольно четко распределили обязанности: Асламбек взял на себя аренду клуба, где вручались призы победителям, оплату самих призов и прочие финансовые вопросы. Я отвечал за работу с авторами и членами жюри, работал как ридер. На мне также лежало информационное обеспечение премии, работа со СМИ. В первый год в состав жюри вошли такие разные писатели, как главный редактор журнала «Дружба народов» Александр Эбаноидзе, Эдуард Лимонов, Илья Кормильцев,

Сергей Шаргунов. Мы сознательно сделали ставку на известные имена, чтобы раскрутить премию. Ну и, конечно, учитывалось отношение членов жюри к исламу – у всех вышеперечисленных лиц оно положительное. Это относится и к сыну православного священника Шаргунову, и к Лимонову, заявившему в интервью одному из исламских порталов о своей симпатии к исламу как идеологии протеста, и к Кормильцеву, который, если верить Гейдару Джемалю, перед самой смертью принял ислам. Так что это еще вопрос, кто на кого больше повлиял – харизматичный Кормильцев на премию или наоборот.

Среди участников и финалистов премии было немало русских по национальности авторов, принявших ислам. Кто-то из них публично заявлял о своем религиозном выборе, кто-то – нет, для нас это было не принципиально. В первую очередь мы анализировали тексты. Среди отмеченных наградами произведений есть и такие, в которых нет ни одного мусульманского имени, но ставятся актуальные для мусульман вопросы. Не могу не вспомнить добрым словом очерк Алексея Цветкова «Второй Рим в апреле, или настойчивое чувство Всевышнего» (победивший в номинации «Публицистика») и роман уфимской писательницы Светланы Чураевой «Ниже неба» (номинация «Проза») о художнике-мусульманине, попытавшемся преодолеть исламский запрет на изображение живых существ. С поэзией оказалось сложнее. Стихов пришло много, но либо они были совсем уж неуклюжими, либо добротными, но никак не вписывающимися в концепцию премии.

В первый год мой партнер по премии не вмешивался в процесс отбора произведений, но во второй он, скорее всего под влиянием своих спонсоров, начал это делать. Во главу угла было поставлено не качество произведений, а биография самих авторов. Плюс, как оказалось, у нас разные взгляды на литературу. Я выступал за реализм. Скажем, по ходу действия так называемые этнические мусульмане сидят за столом и под водочку о чем-то мирно беседуют... Такое действительно имеет место, и если автор умело подводит читателей к выводам о том, что хорошо, а что плохо, – я обеими руками «за» такое произведение. По мнению же Асламбека премии заслуживали в основном только апологетические, зачастую отдающие литературной бес-

помощностью и лубком произведения, авторы которых обладали безупречными с точки зрения шариата биографиями. Это в конце концов убило премию. Но сказать, что ее концепция потерпела фиаско, нельзя. При финансовой поддержке Фонда Марджани с 2007 года издается журнал «Четки», в первых номерах которого увидели свет лучшие из произведений, представленных на соискание «Исламского прорыва». Благодаря журналу читающей публике стали известны имена других авторов, не участвовавших в премии.

– А что собой представляет аудитория «Четок»?

– Я по этому поводу часто иронизирую, говоря, что наш читатель проживает в Израиле. То есть интерес к «Четкам» проявляет в основном околостокговедная немусульманская интеллигенция. (Собственно, мусульманской интеллигенции у нас, к сожалению, пока нет, только интеллектуалы-одиночки). В мечетях журнал почти не покупают, потому что это все-таки не религиозное, а литературно-философское издание. Мы публикуем не только стихи и прозу, мы стараемся знакомить читателя с современными течениями в исламе. Так, сейчас в печати находится номер, посвященный феномену русских мусульман. Данная тема до сих пор не затрагивалась в нашей печати, хотя русские мусульмане в политическом, социальном и творческом плане очень активны. Существует несколько поколений русских мусульман, каждое из которых имеет свои особенности.

ХАЛЯЛЬ ИЛИ НЕХАЛЯЛЬ

– Недавний экономический кризис был во многом спровоцирован издержками традиционной банковской системы с ее процентоманией и, как следствие, неконтролируемым ростом «кредитного пузыря», который рано или поздно должен был лопнуть. Считаете ли вы, что для предотвращения подобного рода кризисов мировое сообщество должно сделать выбор в пользу исламских финансовых инструментов?

– У нас сегодня много говорят и пишут на эту тему, но большая часть работ – это пустословие на тему: как хороша исламская экономика. Обычно такие работы пишут люди, не сталкивавшиеся на практике с работой исламских

Кабул, 1996

финансовых институтов. Другие работы, число которых в последнее время также растет, пытаются ответить на вопрос: как приспособить тот или иной финансовый инструмент к действующему законодательству? Я бы сформулировал проблему иначе: как изменить ментальность людей, привыкших к тому, что у нас в России национальная идея, как кто-то метко заметил, – наколоть друг друга? Без этого невозможно представить успешность любых схем, какими бы красивыми и экономически привлекательными они не были. Собственно говоря, по моим невеселым прогнозам, в Татарстане так и случится, и вторая волна (первая была в 1990-е) применения принципов исламской экономики в условиях России приведет к разочарованию как потенциальных клиентов, так и тех, кто будет этим заниматься. Отсутствие необходимого законодательства будет давать нечистым на руку дельцам верную отговорку: у нас-де такие законы, и чтобы их не нарушать, мы вынуждены поступаться некоторыми принципами шариата.

В одном из хадисов Пророка говорится о границе, перейдя которую вступаешь на путь

Как изменить ментальность людей, привыкших к тому, что у нас в России национальная идея – наколоть друг друга?

сомнительного... Это в каком-то смысле об исламской экономике. Если бы сотрудники исламской финансовой структуры честно объясняли своим клиентам, где и как они берут деньги, предоставляемые в качестве исламских кредитов, то это было бы честно и по-исламски. Наверняка выяснилось бы много интересных подробностей. Банк, как и любой другой финансовый институт, не существует в безвоздушном пространстве.

У нас практически не говорят о таком инструменте как вакф, а ведь до революции у казанских татар существовала развитая сеть благотворительных вакуфных учреждений. Всех интересуют только финансовые, приносящие быструю прибыль инструменты. Это проблема не только России, но и других стран с традиционной банковской системой. Нужно менять в первую очередь сознание, а не законы. Основам исламской экономики нужно обучать прежде всего людей, не получивших традиционного экономического образования, не имевших дела с традиционными финансовыми институтами, порядочных, способных к обучению. Много ли вы таких нынче сыщете? Думаю, что нет.

– Не все в курсе, чем исламский банк отличается от традиционного. Мои познания на этот счет сводятся к тому, что Коран запрещает работать с процентами, поэтому если я захочу стать предпринимателем при помощи исламского банка, тот станет моим партнером по бизнесу...

– Да, участие в прибыли банка – лишь один из методов финансирования в исламском банковском деле. В наши дни в исламских банках имеется альтернатива практически всем традиционным финансовым инструментам. Есть например финансирование в форме контракта мурабаха, когда банк покупает товар от имени клиента, а затем перепродает ему этот товар с наценкой за оказанные услуги. Есть беспроцентная ссуда кард аль-хасан, есть альтернатива традиционному страхованию – такафул. Участники контракта осуществляют денежные взносы, одна часть которых направляется в специальный фонд, предназначенный для возмещения убытков при наступлении страхового случая, другая – инвестируется по принципу разделения прибылей и убытков, с целью получения прибыли. Все участники разделяют между собой прибыль и потери от

инвестиционной деятельности фонда...

Но повторяю: на одних финансовых схемах далеко не уедешь. Мы преступно недооцениваем роль этики в развитии рынка исламских финансовых услуг. В качестве иллюстрации приведу пример из собственной жизни. Однажды я был приглашен в качестве докладчика на одну из многочисленных конференций по исламской экономике. Когда нам оплачивали дорогу, представитель Исламского банка развития поинтересовался, почему я приехал на поезде, когда мог воспользоваться услугами авиакомпании. Оплачивался даже бизнес-класс. Я сказал: «Странно слышать это от вас. Мы обсуждаем исламскую экономику, а вы предлагаете использовать роскошный транспорт, когда можно довольствоваться лишь самым необходимым».

– Если вторая волна применения принципов исламской экономики в России, как вы прогнозируете, вызовет разочарование, можно ли ждать третью?

– Вне всякого сомнения, исламский бизнес в России будет развиваться, и свою нишу в отечественной экономике исламские финансовые институты обязательно займут. Хотя и не очень просторную – далеко не все мусульмане в одночасье станут клиентами исламского банка. Некоторые апологеты исламской экономической модели часто приводят в пример Малайзию, где клиентами исламских банков в основном являются немусульмане. Но, во-первых, речь идет о стране с огромной, экономически активной китайской диаспорой, а во-вторых, исламский банк действительно выгоден в первую очередь корпоративному сектору, заинтересованному в льготном финансировании. В том же, что касается привлечения средств, в частности, – работы с вкладчиками, существуют нерешенные во многих юрисдикциях проблемы. В частности, не везде решен вопрос: может и должен ли клиент рисковать основной суммой вклада или только несет риск неполучения прибыли?

Однако даже если клиенту не удалось найти исламские финансовые продукты, в России можно найти инструменты для инвестирования, приемлемые для мусульман. Возьмем инвестиции в золото. Проблема лишь в том, что у нас пока, несмотря на кажущееся многообразие, не сформированы в полной мере комфортные условия для вкладчиков, жела-

ющих инвестировать свои средства в золото. Вернее, прикупить золотишко-то можно и в монетах, и в слитках, и в виде обезличенных металлических счетов (ОМС), но с доходностью что-то непонятное творится. Первый важный шаг – отмена НДС при инвестировании, например, в те же золотые монеты – сделан, но этого мало. Нужно, чтобы цены на золотые монеты коррелировались с рыночными. В последнее время, когда наблюдается дикий рост цен на золото, можно было бы реально и халяльно заработать на этом. Но если вы проследите динамику роста цен на золотые монеты в том же Сбербанке, вы поймете, что при любых скачках цен на рынке все равно останетесь в проигрыше, и не только потому, что существует серьезный спрэд между ценой покупки и продажи монеты. Логика формирования цен на эти монеты в банке вы никогда не постигните. Конечно, есть еще инвестиции в недвижимость, но это могут позволить себе немногие из россиян.

Когда-то я реально видел в исламской экономике инструмент для переустройства общества на более справедливых началах. Сейчас я вижу в ней лишь альтернативу, выгодную определенному кругу клиентов. Я считаю, что у людей должна быть возможность выбора между различными финансовыми продуктами и стратегиями, поэтому исламскую экономику надо по мере сил поддерживать и развивать.

РЕВОЛЮЦИИ НЕВОЗМОЖНО ДЕРЖАТЬ В УЗДЕ

– **Недавно Президент Татарстана Рустам Минниханов вернулся из рабочей поездки в Дубай, где принял участие в работе инвестиционного форума Annual Investment Meeting 2011. В этой связи хотелось бы узнать, какими вы видите перспективы экономического сотрудничества республики со странами исламского мира.**

– Все кругом только и говорят, что Татарстан – мост между Россией и мусульманским Востоком. Это и в самом деле похоже на правду. Для мусульманских инвесторов интерес татарстанских властей важен и показателен, потому что для них это – серьезная гарантия их бизнеса в республике. А без этого исламские инвесторы в Россию не придут. Для них наша страна непредсказуема. Да что для них, для нас самих она непредсказуема.

Инвестиционный потенциал Татарстана очень и очень неплохой. Я имею в виду не только нефтянку, но и другие отрасли, начиная с машиностроения и заканчивая экотуризмом. У республики есть также потенциал для развития халяльного туризма. Иностранцы мусульмане чувствуют себя здесь комфортно, в отличие от Москвы, где отношение к выходцам из мусульманских стран в целом недружелюбное. Москва суетливая, она поглощает, а Казань – мусульманский город с минаретами, мечетями и толерантным отношением к приезжим. Нужна «только» европейского уровня туристическая инфраструктура.

– **Ренат, возглавляемая вами кафедра имеет двойное название – «регионоведения и исламоведения». Следующий вопрос касается именно регионоведения. С начала этого года весь мир следит за развитием революционных событий в странах Магриба и на Ближнем Востоке. Чего следует ждать в будущем?**

– Для подавляющего большинства людей в западном мире произошедшее оказалось полным сюрпризом. Хотя те, кто часто бывал в этих странах, видели тление фитиля революции в сердцах горячих арабов... По большому счету, случившиеся революции – это только начало. Задача России – сделать правильные выводы из случившего, предугадать развитие событий и повлиять на него в своих интересах. Потому что происходит серьезная перегруппировка сил в регионе, и Ближний Восток уже не будет таким, каким он был раньше. Наша кафедра не может оставаться в стороне от анализа этих тенденций. Как говорят дипломаты, мы продолжаем следить за ситуацией.

Когда-то я видел в исламской экономике инструмент для переустройства общества на более справедливых началах. Сейчас я вижу в ней лишь альтернативу, выгодную определенному кругу клиентов.

С Чулпан Хаматовой

В случае с Ливией, даже если Каддафи выгонит из страны всех мятежников, точка невозврата уже пройдена. Диктаторы всегда плохо кончают. Западные страны никогда не простят Каддафи тех унижений, которым он подверг их, используя их жалкую зависимость от углеводородов. На международном уровне Каддафи – дурно пахнущий политический труп. Но для стран, желающих освободиться от влияния западных держав, лидер Джамахирии – символ противостояния этому самому влиянию. К мятежникам, я, впрочем, тоже большой симпатии не испытываю. Часто тот, кто убил дракона, сам становится драконом. Эти смахивают как раз на будущих драконов.

– А имеют ли под собой какие-то основания слухи о том, что эти революции организовало ЦРУ?

– ЦРУ, конечно, одна из мощных спецслужб, но все равно не настолько, чтобы заварить такую адскую кашу. Не будем забывать, что ближайшим союзником США в регионе является Израиль. Окруженная арабскими государствами, эта страна не ждет от формирующихся режимов ничего хорошего и готовится к самому худшему сценарию. Пример Египта это хорошо показал. Сирия – тоже не самый приятный сосед для евреев, но результаты революции могут еще больше разочаровать Израиль. Проблемы в других странах Ближнего Востока также становятся головной болью не только их соседей, но и всего мирового сообщества. Йемен грозит распасться и превратиться в новую черную дыру наподобие Сомали. Открытым остается вопрос о Саудовской Аравии. Королевская власть кажется незыблемой, но никто не даст гарантии, что если страна не встанет на путь реформ, она не повторит судьбу Египта или Туниса. Цепная

реакция продолжается и ее нельзя остановить. Революции невозможно держать в узде.

– Ренат, жизнь подтвердила актуальность выбранного вами направления исследований. Но почему вы решили продолжить их не в МГИМО, а в Казанском университете?

– Все просто до безобразия. Я получил интересное предложение от нынешнего ректора Казанского университета Ильшата Гафурова и не смог от него отказаться. По-видимому, здесь, в Казани, я оказался более востребованным со своей тематикой, чем в стенах альма-матер. В этом нет ничего странного и плохого. Миграция ученых в наши дни – обычное явление. Удается кафедре справиться с задачей возрождения казанской школы исламоведения или нет – не знаю, но было бы обидно не попытаться что-нибудь сделать на этом поприще. Конечно, Казембеков у нас на кафедре нет, но имеются подающие надежды молодые кадры, большая часть которых – выпускники КГУ. У нас собрались если не самые лучшие, то, по крайней мере, достойные специалисты в своих областях, за каждого из которых не стыдно. С нового учебного года все основные базовые курсы по исламу будут читаться преподавателями нашей кафедры, начиная с «Введения в исламоведение» и заканчивая «Исламской экономикой». Создание в структуре Института востоковедения кафедры регионоведения и исламоведения – это, хочется верить, только начало модернизации всего Института востоковедения. Институт должен меняться, как и весь университет в целом.

– В чем выразятся эти изменения?

– Планов много. Хочется надеяться, что в самое ближайшее время в Институте востоковедения будет создана кафедра африканских языков. Для Казани это звучит немного дико, но, тем не менее, в России очень мало специалистов, знающих африканские языки. Даже в Институте Африки РАН работает всего один ученый, владеющий африканским языком, – кажется, хауса. А ведь в СССР была мощная школа африканистики. Бросать на произвол судьбы это направление считаю преступлением. По большому счету, кроме Дальнего Востока и возможно Турции, другим регионам Востока в Институте востоковедения пока уделяется недостаточно внимания. В общем, планов много, и все они так или иначе вписаны в стратегию развития КФУ.